

Цетради

по консерватизму

[№ 1 2018 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2018

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадковский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошчелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянец.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 1. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018. – 392 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» посвящен 200-летию речи С.С. Уварова, которую он произнес 22 марта 1818 года в торжественном собрании Главного Педагогического института в статусе Президента императорской академии наук, Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа. В этом историческом документе отражены многие знаковые для русской гуманитарной мысли того периода идеи графа, позволяющие проследить интеллектуальную эволюцию будущего автора знаменитой идеологической триады «Православие, Самодержавие, Народность».

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах “Тетради по консерватизму”», 2018
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2018

Леонид Поляков
Слово к читателю
7

Введение
С.С. Уваров
Речь Президента Императорской Академии наук, Попечителя
Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании
Главного Педагогического института 22 марта 1818 года
11

Раздел первый

Время Уварова: идейный контекст

М.М. Шевченко
С.С. Уваров. Политический портрет
27

Д.А. Бадалян
«Официальная народность» или народность? С.С. Уваров и А.С. Хомяков
51

А.О. Мещерякова
Граф С.С. Уваров в контексте русского консерватизма первой половины XIX века
67

С.В. Удалов
В тисках идеологии: власть и общество в России второй четверти XIX века
76

Е.С. Холмогоров
Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм
86

игумен Виталий (Уткин)
Мифология истории, народность и православие
в концепции графа С.С. Уварова (к разработке проблемы)

124

Раздел второй

Служение Уварова: образование как nation-building

А.Ю. Минаков
Предтечи С.С. Уварова в поисках идеологического обоснования
правительственной политики в области народного просвещения в 1817–1825 годах

145

М.А. Волхонский
Лазаревский институт восточных языков в политике министра
народного просвещения С.С. Уварова. 1830-е–1840-е годы
165

В.В. Ванчугов
Роль «триады» Уварова в трансформации отечественной философии
182

А.И. Любжин
Две модели русского образовательного классицизма.
Граф С.С. Уваров и граф Д.А. Толстой
193

Раздел третий

Вокруг Уварова: в прошлом и всегда

Д.А. Бадалян
С.С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов
203

А.А. Ширинянец
«Теоретик официальной народности»: М.П. Погодин и триединая
формула С.С. Уварова
219

А.А. Тесля
«Изгой истории»: Василий Розанов о монархии. 1890-е годы
233

С.В. Перевезенцев
«По устройению дедню и отню»: к вопросу о значении традиционализма
в русской истории
243

М.А. Маслин
Предтеча евразийства. Ориентализм С.С. Уварова в исторической перспективе
255

Раздел четвертый

Уваров о времени и о себе (мемуары)

М.М. Шевченко
Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852
267

М.М. Шевченко
Записка С.С. Уварова о крепостном праве в России (1830/1831)
335

Раздел пятый

Консервативные ценности в современном российском обществе: каковы они и кто их разделяет?

Первое заседание Консервативного клуба. 27 марта 2018 года
363

Ведущий: Ясно. Модест Алексеевич, пожалуйста. Ваше время. Как вы смотрите на консерватизм?

М.А. Колеров: Мне хотелось бы прокомментировать выступления коллег и сказать, что несмотря на то, что я последние годы очень быстро превращаюсь в агностика, Михаил Александрович меня поразило своим агностицизмом. Я не могу не отдать ему должное. Но как только я слышу слово «цивилизация», «цивилизационный», у меня рука тянется, не знаю к чему.

Реплика: К пистолету.

М.А. Колеров: У меня его нет. С такой терминологией лучше вообще даже на улице научную не выходить. Это бессмыслица. Точно так же я следую и Павлу Вячеславовичу в различении сказанного и исповедуемого. И сейчас буду говорить о внутренних ценностях, органических, а не бумажных. Также хочу сказать, что последние пять лет я испытываю нарастающую солидарность с Виктором Юрьевичем и поэтому, говоря о консерватизме, все-таки внутри стремлюсь к формулированию социал-консервативного синтеза, каковой сейчас мне представляется единственно полезным для консерватизма и, соответственно, полезным для общества.

Если говорить о простейших формулах, совершенно чистых и свободных от цивилизационной или эмоциональной окраски, – то это, разумеется, семья, разумеется, собственность (при этом мы не говорим, какая собственность, она может быть семейной, но собственностью). Один из моих героев говорил, отечество и собственность – два фундаментальных принципа. Правда, он имел в виду частную собственность. Но в то время частная собственность была объявлена в эсеровском, христианском смысле трудовой, семейной, христианской, хозяйственной, без эксплуатации и с минимальной сезонной эксплуатацией.

Ведущий: Это Булгаков, да?

М.А. Колеров: Струве, отечество и собственность.

Этатизм. Разумеется, этатизм. Формы применения зыбкие, какие угодно могут быть. А дальше? Отечество, суверенитет, независимость, приоритет общего над частным. Чего не хватает этому и что должен к этому добавлять социал-консервативный синтез? В этом вышеназванном ряду не хватает того, что в нашем народе было и, надеюсь, останется всегда – требование справедливости. Вот если нас настигнет консерватизм с требованиями справедливости, нас никто не победит.

И, наконец, о том, как в нашем обществе сейчас живут консерватизм бытовой, обыденный, массовый, народный и чаемый социал-консервативный синтез. Разумеется, оба никак не представлены ни в исполнительной, ни в представительной власти. Известны институты, которые риторически исповедуют консервативные ценности. Исповедуют их только риторически. Единственный институт власти, который одной ногой стоит в консерватизме, – это Путин. И всё.

Доклад закончен.

Ведущий: Хорошо, спасибо! Василий Александрович! Пожалуйста.

В.А. Щипков: Концепция консерватизма в современной политической ситуации может применяться как средство для измерения состояния либерализма. Спор о консерватизме – это спор о путях трансформации либерализма, его эволюции и самосохранении в новых исторических условиях. Риторика либеральной оппозиции все последние годы строилась на обещании намерений, которые предлагались аудитории в обмен на отказ от чего-то реального. Например, от существующих границ, традиций, ценностей. Отдадим Крым в обмен на ничего – таким был по смыслу предвыборный призыв К. Собчак. Стала очевидной полная бесперспективность такой риторики. Поэтому в либеральных дискуссиях сегодня звучит новая мысль: говорится, что когда либералы поменяют тактику и убедят большинство населения в том, что, получив власть, они не отменят базовые принципы и традиции, на которых стоит российская государственность, – то тогда 70–80 про-

центов, голосующих за Путина, с легкостью поддержат и либерального кандидата. Эти базовые принципы – нерушимость границ, основные праздники, флаг и гимн, признание самого факта существования суверенной исторической России.

В несистемных либеральных кругах озвучивается также мысль, что в России может поменяться форма легитимации власти. Говорится, что до сих пор новая власть получала свою легитимность в глазах народа путем отрицания старых форм. Большевики – царя, Хрущёв – Сталина, Горбачёв – позднесоветские пережитки, Ельцин – всю советскую историю, Путин отрицал 1990-е годы. Если следующий за Путиным президент получит поддержку именно как продолжатель дел Путина, то в России может утвердиться форма легитимация власти, основанная на преемственности. Это значит, что к 2024 году может так и не сформироваться база для либерального реванша, на который все годы после дела ЮКОСа рассчитывает несистемная оппозиция и западные политические игроки, действующие в России.

Поэтому своей задачей либералы, по их собственным словам, видят подготовку к этому транзиту власти таким образом, чтобы к этому времени стать в глазах народа ничем не отличимыми от собирательного «Путина». То есть полностью сменить риторику и стиль.

Интересно, что уже сейчас либералы начинают продвигать новую и смелую для себя идею о том, что Путин является продолжателем дела демократов 1990-х годов, сохраняет преемственность с этой политической эпохой. И подводят мысль, что приход после Путина к власти человека, наследующего демократическим принципам 1990-х годов, станет органичным и естественным.

Задача, которую ставит либерализм в России на современном этапе, – временно «оконсервативиться». У такого движения либерализма к консервативному стилю три направления: через 1) патриотическую риторику, с креном в правонационалистическую и милитаристскую; 2) советско-коммунистическую риторику, возрождение леволиберального дискурса

под видом советской ностальгии, с упором на ранние годы советской власти, переход от десоветизации к новой героизации Ленина; 3) имперскую риторику, выступающую за возрождение монархии и царя. Все три направления могут стать полигоном для разворачивания либеральных политтехнологий в пользу либерального истеблишмента.

Это один из возможных прототипов схемы, по которой российский либерализм может строить свою жизнь в ближайшем будущем: «правые», «левые» и «имперцы». Обеспечивать функционирование этой схемы будут те, кого сегодня часто называют «технократами», которые ставят себя над этой схемой и вне ее. Нынешний агрессивный неолиберальный дискурс будет ими критиковаться, но не демонтироваться, а лишь смягчаться и внешне десубъективироваться, то есть прятаться под разные сферы. Сами технократы будут бороться за то, чтобы стать центром этой или другой аналогичной схемы.

«Консерватизм» становится карьерным лифтом для либералов, позволяет оставаться в либеральной парадигме, предлагает большое пространство свободы для декорирования либерализма в разные стили и формы (от имперских до советских). Позволяет с комфортом совершить личную мимикрию под новую реальность.

Эти процессы касаются не только России. Часто говорят, что в ближайшем будущем глобальный западный мир станет консервативным. Но это не означает, что он автоматически перестанет быть либеральным. Это означает, что силы, которые сегодня борются против либерализма, однажды обязательно перейдут к борьбе против консерватизма как либеральной «крыши». И к этому времени необходимо выработать принципиально новый консерватизм, не имеющий связи с описанными выше либерал-консерватизмами, либо отказаться от самого термина «консерватизм».

Ведущий: Спасибо большое. Очень своевременное предупреждение насчет того, что либерализм взял тактику и стратегию мимикрировать под консерватизм. Я вспоминаю, что в одной из лекций, еще тюрем-

ной, Борис Ходорковский убеждал свою аудиторию в том, что национализм и либерализм – это не враги, а союзники. И даже более того. Я думаю, что сказал Василий Александрович, это очень уместно, своевременно, и, пожалуй, действительно стоит об этом размышлять. Потому что, с другой стороны, идея либерально-консервативного синтеза сама по себе, мне кажется, как-то стала рабочей и вполне привлекательной. Да, да. Сергей Вячеславович, пожалуйста, ваше время.

С.В. Перевезенцев: Прежде всего соглашусь, что, конечно, в реальной политической повестке нет никакого консерватизма. Впрочем, как нет никакого либерализма и вообще никаких реальных политических партий с реальными политическими программами. Все это фикция. Все это игрушки, когда все хватают всё и исключительно потом...

Но это не означает, что, собственно, нет самих консервативных ценностей. Я вообще не люблю игру в слова, я не философ, я историк, поэтому у меня больше конкретное историческое мышление. И в этом отношении я солидаризуюсь с огромным числом мыслителей, которые тоже не любили эти слова, а искали сущность, выражая ее совершенно по-разному.

Поэтому цепляться за слово «консерватизм» или за слово «либерализм» и пытаться под него что-то подвязать, мне кажется, по большому счету, бессмысленно. И здесь нужно, может быть, искать какие-то термины, как в свое время нашел крылатую формулировку Павел Флоренский, «держатель народа», у нас свои грани сознания. Или, допустим, как в XVI веке нашли формулировку Нового Израиля, Нового Иерусалима, и это начало играть в свое время и так далее. Для русского сознания гораздо ближе не понятийные, а образные обобщения. И это играет гораздо большую роль в формировании в том числе политических предпочтений, нежели какой-то чисто научный поиск в области понятийного. Здесь я соглашусь, на эту тему уже было много сказано, в том числе и мне приходилось на эту тему много писать. Если мы будем говорить о нашем народе, то его историче-

ский опыт свидетельствует об одном: главная консервативная ценность нашего народа – это жизнь. Наша история была столь страшна и столь жестока, что выживание в любых условиях было одной из важнейших ценностей. Обратите внимание на то, что один из важнейших героев отечественной истории – это Александр Ярославич Невский, которого сейчас обвиняют в науке чуть ли не в предательстве, потому что он начал сотрудничать с Ордой. Вот он какой предатель. А ведь его послали сразу смерть найти в то время, а он сохранил, возможно, многие и многие жизни. Он остановил те страшные набеги, которые осуществляла Орда во время его правления. Именно с XIII века идет главная, как мне представляется, национальная ценность – это национальный страх гибели Руси. Национальный страх появился в тринадцатом столетии, что страна может погибнуть.

Реплика: То есть сохранение страны?

С.В. Перевезенцев: Народа. Страна может быть разная. Государство может быть разное. Народ. Сохранение народа и сохранение жизни людям. И вот этот национальный страх нас сопровождает и спасает в самых тяжелых ситуациях на протяжении всех семисот лет. Я больше чем уверен, что нынешние 76–77 процентов голосов поддержки Президента РФ были обеспечены именно этим национальным страхом. Что обеспечивает жизнь и сохранение народа? Настолько древняя история отечества, как наша, обеспечивает прежде всего веру. Осмысление себя в пространстве и вечности через веру. Во-вторых, это отечество. Идея отечества, причем как такого земного воплощения образа Святой Троицы. В этом заключается и ответ на вопрос: почему в нашем государстве живут спокойно многие народы, исповедующие разные веры? И третье, как ни странно, они могут сплотиться.

Но почему-то мы говорим о том, что в русском сознании коллектив подавляет личности, – это же не факт. Русская история строилась на тех личностях, которые эту историю творили. Назову трех крупнейших модернистов отечественной истории: князь Владимир Святославович, преподобный